

**Диафильм по одноимённой повести Л. Н. ТОЛСТОГО
(Текст даётся с сокращениями)**

**Составил кандидат филологических наук
И. УСПЕНСКИЙ**

Художник Г. БАЛАШОВ

**Редактор Е. КАВТИАШВИЛИ
Художественный редактор А. МОРОЗОВ**

Л.Н.ТОЛСТОЙ

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕШНИК

Производство студии „Диафильм“, 1956 г.

Часть 1

**Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.
Пришло ему раз письмо из дома.**

Пишет ему старуха мать: „Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похороны, а там и с богом поезжай опять на службу“.

Жилин и раздумался: „И в самом деле: плоха уж старуха стала“. Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге.

Обоз шёл тихо. Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт обоз.

Подъезжает к нему другой офицер, Костылин, с ружьём, и говорит: „Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара“.

И поехали. Кончилась степь, вошла дорога промеж двух гор в ущелье. Жилин и говорит: „Надо выехать на гору поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из горы и не увидишь“.

Только выскочил, — глядь, а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами. Человек тридцать. (В описываемое Толстым время всех кавказских горцев — мусульман называли „татарами“).

**Он увидел, стал назад поворачивать. Кричит Костылину:
„Вынимай ружье!“**

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар — закатился что есть духу к крепости. Жилин видит — дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь.

Пустил он лошадь назад, к солдатам — думал уйти. Выстрелили по нём сзади из ружей и попали в лошадь. Схватили его татары.

Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло, а чтобы не упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Приехали в аул. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина.

**Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай;
толкнули его туда и заперли дверь.**

Почти всю эту ночь не спал Жилин. В горле пересохло. Думает: „Хоть бы пришли проведать“. Слышит – отпирают сарай.

Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

**Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул ко-
го-то: „Дина!“ Прибежала девочка, тоненькая, худенькая,
лет тринадцати. Велел ей что-то отец.**

**Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной.
Подала воду.**

Ушли татары. Погодя немного приходит к Жилину ногаец и говорит: „Айда, хозяин, айда!“ Понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пришёл Жилин в дом. Сидят татары: чёрный, красный и трое гостей. Один из гостей стал говорить по-русски. — „Тебя, — говорит, — взял Кази-Мугамед, — сам показывает на красного татарина, — и отдал тебя Абдул-Мурату, — показывает на черно-ватого. — Абдул-Мурат теперь твой хозяин“.

Переводчик говорит: „Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Три тысячи монет“.— „Нет,— говорит Жилин,— я этого заплатить не могу“.— „Сколько же ты дашь?“ — „Пятьсот рублей“.

Поговорили татары, послали куда-то работника. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то. Так и ахнул Жилин, — узнал Костылина. И его поймали.

Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги даст, того прежде отпустят. — „Товарищ твой смиренный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют“.

Жилин и говорит: „Я как сказал, так и будет. Хотите — убивайте, пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу“.

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, — чтобы не дошло. Сам думает: „Я уйду“.

Отвели Жилина с Костылиным в сарай. Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Костылин всё ждал присылки денег и скучал. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал. „Где, — думает, — матери столько денег взять за меня заплатить“. А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Жилин на всякое рукоделье мастер был. Слепил он раз куклу и поставил куклу на крышу.

Хозяйская дочь Динка увидела нуклу, позвала татарок. Жилин снял нуклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять.

**Оставил он куклу, ушёл в сарай. Наутро смотрит, на зорьке
Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками
красными убрала и качает.**

Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся. Взял Жилин кувшин, стал пить. Думал – вода, а там молоко. И с тех пор стала она ему каждый день крадучи молока носить.

Прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин вырезал валик, дощечки, колесо, а к колесу на двух концах кукол приделал. Поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

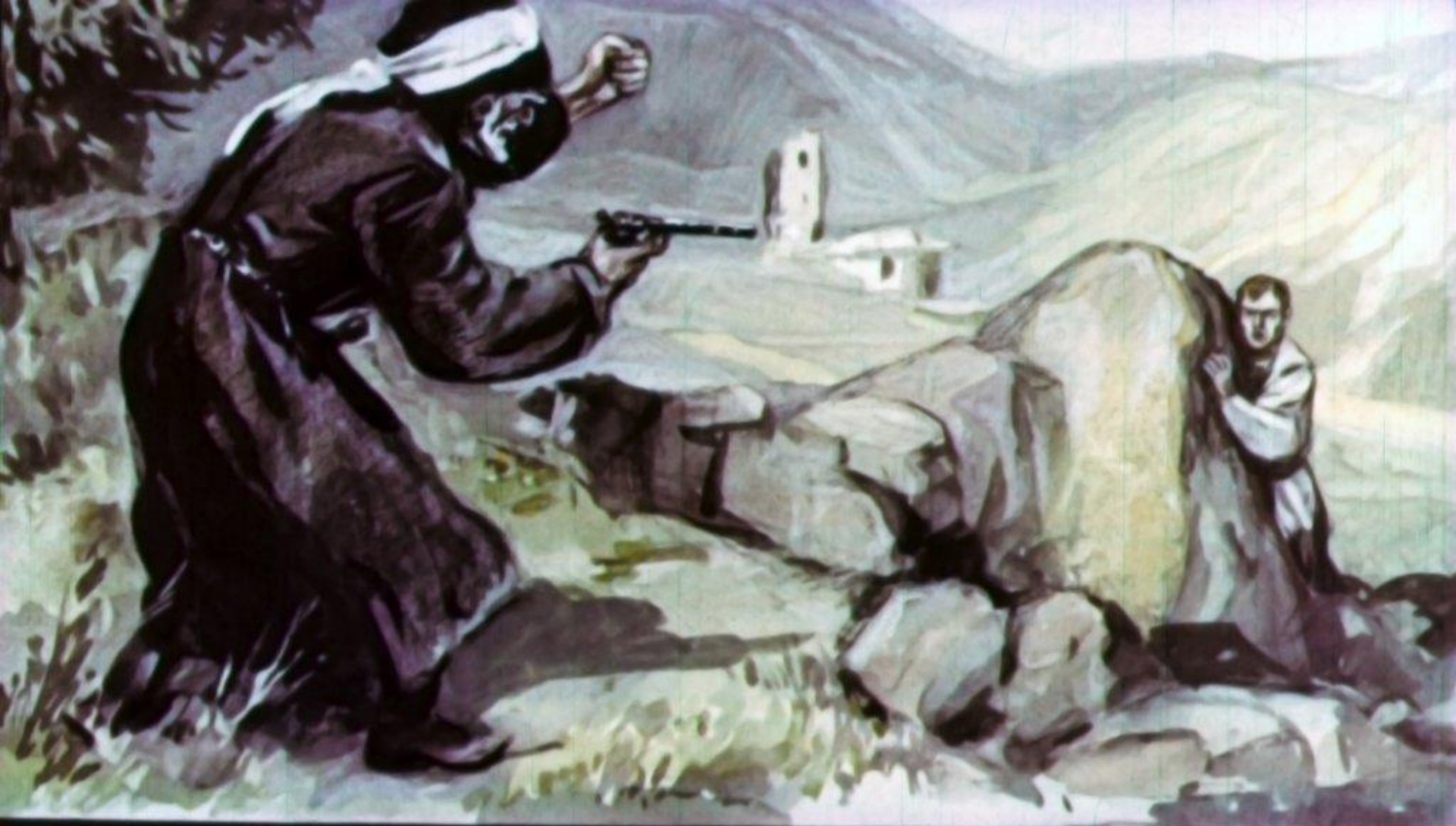
Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит: „Давай починю“. Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы. Обрадовался хозяин.

Прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать; кто замок на ружье или пистолет починить принесёт, кто часы. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, когда нужно, кличут: „Иван, Иван“.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернётся, либо обругает. Был ещё у них старик, лицо сморщенное и красное, нос крючком, а глаза серые, злые. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошёл раз Жилин под гору посмотреть, где живёт старик. Подошёл он поближе и загремел колодкой. Старик оглянулся — как визгнет, выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришёл старик к хозяину жаловаться. Старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина. Жилин не понял всего, но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле.

Ушёл старик. Хозяин и говорит: „Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был... Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, любил...“

Конец 1-й части

Д-230-56